

Максуд Ибрагимбеков

Совсем не страшные змеи

Я нёс удочки и полотенце, а Тимка, подвывая, скакал впереди. Ему жёг пятки раскалённый песок.

Обычно мы возвращались моря рано, пока ещё не наступала самая жара, но сегодня был хороший клёв, и мы просидели на скалах до полудня.

Я утром вышел из дому в сандалиях, теперь мы их надевали по очереди каждые пятьдесят метров.

Расстояния мы отмеряли по телеграфным столбам. Останавливались у столба и в узкой тени надевали сандалии: то Тимка, то Я.

Теперь как раз была моя очередь, Тимка скакал и выл. Правда, мы могли бы идти по выгоревшей под солнцем траве, но все говорили, что в ней водятся змеи. Ну а в такую жару со змеями лучше не связываться.

До дачи было далеко. Мы ещё не дошли до развалин старой бани, а от неё до дачи не меньше двухсот метров и всё по этому же проклятому горячему песку.

Тимка намного обогнал меня -- он торопился добежать до колодца. Камни под солнцем нагревались не так сильно, как песок, и Тимка хорошо это знал. Он добежал до колодца и теперь ждал меня, стоя на прохладных камнях.

В колодце этом давно не было воды, и дно его было засыпано песком.

Когда я подошёл к колодцу, Тимка, нагнувшись над узким круглым отверстием, смотрел вниз.

Я знал, что там ничего интересного не увидишь, сколько ни смотри, и поэтому сел спиной нему и стал снимать сандалии.

-Черепеха! - сказал Тимка, продолжая смотреть вниз.

Тогда я тоже посмотрел в колодец и увидел на дне большую черепаху. Она, не двигаясь, лежала на песке. Мы даже подумали, что она мёртвая, но черепаха вдруг зашевелилась и медленно пошла по кругу вдоль стенки колодца.

Мы стали думать, как она туда попала. Тимка сказал, что она, наверное, упала в колодец, в темноте, а может быть, её даже туда кто-нибудь толкнул.

Я сказал, что толкнуть черепаху туда никто не мог, потому что вокруг колодца никаких следов нет, а, по-моему, просто ей очень захотелось пить - и она прыгнула в колодец в поисках воды.

Тут Тимка сказал, что черепаха, наверное, голодная, а выбраться оттуда сама не может, потому что черепахи по стенкам лазать не умеют.

У нас при себе ничего съедобного не было, всё съели на берегу, и мы быстро пошли домой, чтобы

принести ей чего-нибудь поесть.

Бабушка была дома. Она всегда сердится, если мы задерживаемся на море, а сегодня так уж совсем вышла из себя.

Бабушка сказала, что она решила, что мы утонули или нас ужалила змея. Ещё она сказала, что в такую жару змеи очень злые и только и ищут, чтобы кого-нибудь укусить.

Бабушка очень боится змей. Она говорит, что у нас на даче их очень много и у них у всех смертельный яд. Она нам рассказывает страшные истории о змеях. По её словам, чтобы убить змею, совсем недостаточно перерубить её пополам, потому что половинка с головой немедленно уползает и постепенно отращивает себе хвост, а потом приползает ночью, чтобы удалить своего обидчика. Ещё бабушка говорит, что змеи-детёныши бывают ещё опаснее, чем взрослые змеи. Они рождаются в раскалённых песках, когда солнце стоит в зените, и сразу отправляются на поиски жертвы.

Мы с Тимкой тоже очень боимся змей. Мы их начинаем бояться немного меньше, когда приезжает мой папа.

Папа улыбается, когда бабушка рассказывает о змеях. Он говорит, что змеи были такими, может

быть, раньше, когда бабушка была молодая, а теперь они другие. Он говорит, что ядовитых змей у нас на даче, наверное, нет, если и есть, то они на человека не бросаются, а могут ужалить, если только на них наступить, а этого, конечно, делать не следует. Кроме того, папа говорит, что змеи ночью спят, потому что они холоднокровные животные, и, когда прохладно, они впадают в спячку. Что касается змеи-инвалида с отрубленным туловищем, то, по мнению папы, бабушка что-то напутала, и, наверное, это была ящерица, у которой отрос оторванный хвост.

Тут бабушка начинает сердиться, а папа, очень хитро подмигнув нам, рассказывает, куда мы пойдём гулять вечером.

Да! О черепахе! Бабушка сказала, что она нас никуда больше не пустит. Оказывается, она даже хотела послать за нами на берег старшего брата Тимки. Мы еле-еле её уговорили, чтобы она нас отпустила за черепахой, и даже согласились, чтобы с нами пошёл этот старший брат.

Тимкин брат в этом году поступал в институт и поэтому очень важничал. Он сидел надутый, а когда мы ему рассказали, что видели в колодце черепаху и хотим её теперь оттуда вытащить, он спросил, не видели ли мы в колодце, кроме черепахи, ещё отражение двух ослов.

Он говорил такие вещи, потому что он страшный грубиян.

Ещё он сказал, что черепахи в колодцах не водятся - он это знает точно.

Потом он всё-таки взял верёвку и пошёл за нами. Он всю дорогу ворчал, но мы уже видели, что ему тоже стало интересно.

Когда мы подошли к колодцу, Тимкин старший брат сказал, что в колодец опускаться опасно, потому что на дне его скопится углекислый газ и что можно им отравиться.

Мы совсем было приуныли, но Тимкин брат ещё раз заглянул в колодец и сказал, что раз там живет черепаха и дышит при этом, то в этом колодце углекислого газа нет.

Мы договорились, что он спустит в колодец по очереди меня и Тимку, а потом по очереди вытащит.

Сперва опустили Тимку. И он закричал нам снизу, что на дне очень прохладно и углекислого газа нет и что черепаха очень обрадовалась, что за ней пришли. По-моему, Тимка всё-таки ошибся, думая, что черепаха обрадовалась, потому что, когда я опустился на дно, черепаха втянула и голову, и ноги, и почти весь хвост под панцирь. Она не высунула голову, даже когда я протянул ей листик капусты. Видно, она была не очень голодной -- или, может быть, ей не хотелось брать еду у незнакомого человека.

Я нагнулся, чтобы её поднять, и вдруг увидел на песке, под последним рядом камней, пять маленьких круглых яичек.

Мы сразу поняли, почему черепаха сидела в колодце. Она отложила яйца и ждала, пока вылупятся маленькие черепашки. Из-за них она сидела в этом неуютном колодце.

Мы так заинтересовались этим, что совсем забыли о Тимкином брате, а он перегнулся сверху и спросил очень завистливым голосом, что мы там еще нашли.

Мы ему рассказали показали яички, но ему сверху их не было видно. Мы сказали, что ты их

оставить здесь: и яички и черепаху.

Тимкин брат так завопил, что чуть не свалился вниз. Он кричал, что мы олухи, что черепашки вылупятся и погибнут вместе с матерью-черепахой на дне колодца. Он сказал, что черепашки могут вылупиться и на нашей даче, самое главное - достать их из колодца.

Видно было, что ему очень хочется спуститься к нам, но это было невозможно, потому что некому

вытянуть его наверх.

Словом, мы вынесли из колодца и черепаху, и её яички. Тимкин старший брат вместе с нами положил яички под виноградный куст. Он сказал, что им надо создать те условия, которые они имели в колодце. Черепаху мы положили рядом с яичками, но она сразу же уползла. Видно, так у черепах принято или эти яички ей очень надоели в колодце.

Тимкин брат попрыскал песок вокруг яичек водой. Он сказал, что нужно создать влажность такую же, что и в колодце.

А когда ночью пошёл дождь, мы побежали к кусту и забрали с собой яички. Ночью на даче очень темно, и было страшно. Так и казалось, что в ногу вот-вот вцепится змея. Яички мы положили к себе в постель и, чтобы не раздавить их, до утра не спали. Утром мы их положили опять под куст, а сами легли спать на целый день. А бабушка мерила нам температуру - она думала, что мы заболели.

Тимкин брат совершенно изменился: он стал с нами вежливо разговаривать и обещал покатать на

лодке.

Только черепаха не обращала на яички никакого внимания. Видно, она чувствовала, что судьба её детей в надёжных руках. Старший брат Тимки казал, что у животных очень развит инстинкт, и что если бы эта черепаха почувствовала, что мы плохие люди, то она немедленно бы вмешалась.

Мы каждый день все вместе бегали смотреть на яички. И Тимка утверждал, что сквозь скорлупу уже видны маленькие черепашки. Внутри и вправду что-то темнело.

Это случилось рано утром. Мы с Тимкой только встали. Бабушка нас послала собрать к завтраку виноград, и мы решили посмотреть заодно на яички.

Мы подбежали к кусту увидели такое, от чего сначала отпрыгнули назад, а потом уже снова осторожно подошли к кусту.

Из яичек вылупились не черепашки. Между скорлупок ползали крошечные змейки, одна только-

только вылупилась. Змейки были совсем крохотные и совсем не страшные.

Мы сразу побежали к дому звать Тимкиного брата, чтобы он посмотрел. Он ещё спал.

Когда Тимкин старший брат услышал, что из яичек вылупились змеи, он страшно перепугался. Он схватил папино ружьё, которое висело на стене, и побежал, на ходу заряжая его, к кусту. Мы побежали за ним, а вслед за нами бежала, ничего не понимая, бабушка.

Мы прибежали к кусту все сразу. Тимкин брат приказал, чтобы мы держались за его спиной, а сам

взял ружьё наизготовку и осторожно стал раздвигать дулом куст. Но там ничего не сказалось, кроме скорлупок, - змейки разбежались...

Бабушка, когда узнала, в чём дело, подняла страшный шум. Она кричала, что ей только не хватает, чтобы её внуки разводили на даче змей. Она припомнила нам все наши проступки и сказала, что до приезда папы она нас из дому не выпустит.

Тимкин старший брат сказал, что мы с Тимкой олухи и что он, конечно, сделал глупость, что связался с нами.

Папа, как всегда, приехал в воскресенье. Он совсем не испугался, узнав про змей. Он улыбался, когда мы ему подробно всё рассказали, а когда бабушка начала ругаться, он ей сказал, что змеи нас не ужалят, потому что будут испытывать к нам, ко мне и Тимке, такие же чувства, какие испытывают животные к родителям.

Мы поняли, что папа шутит, потому что он тут же нам очень хитро подмигнул. Но, странное дело, мы с тех пор и вправду совершенно перестали бояться змей. Мы увидели, как они появляются на свет и...

Словом, не знаю почему, но мы теперь их больше не боимся и не думаем о них без конца днём и ночью, как это было раньше. Правда, мы надеваем сандалии, когда идём собирать виноград или на море, но это просто так, на всякий случай.

А черепаха до сих пор живёт у нас. Она ест капусту и виноградные листья. Она к нам привыкла и,

увидев нас, больше не прячет голову, а только хитро на нас смотрит: видно, до сих пор не забыла эту историю со змеиными яйцами.